

Н. А. Баранов, О. В. Лагутин, Д. С. Мартьянов (Санкт-Петербург)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ДИСПОЗИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИ АКТИВНЫХ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Аннотация: Авторы статьи исследуют особенности политического сознания и электоральной культуры жителей Санкт-Петербурга. На основе эмпирических данных выделяются две группы электоральных диспозиций: «пассионарии» и «институционалисты». Авторы предлагают анализ портрета политически активных избирателей.

Ключевые слова: Общественное мнение, Политическая культура, Политические партии, Политическое сознание, Политическое поведение, Электоральная диспозиция, Электоральная культура, Электоральное поведение.

Abstract: The authors explore specifics of political consciousness and electoral culture of St. Petersburg residents. On the basis of empirical data researchers identify two groups of electoral dispositions "passionaries" and "institutionalists". The authors offer an analysis portrait politically active voters.

Key Words: Public opinion, Political culture, Political parties, Political consciousness, Political behavior, Electoral disposition, Electoral culture, Electoral behavior.

В современном мире институт выборов, как формализованная процедура голосования, является признанным критерием демократии. Для реализации важнейшего демократического принципа необходимо заинтересованное участие граждан в политике. По мнению Л. Милбрайта, политическое участие может быть определено как такие действия граждан, с помощью которых они стремятся повлиять на политику правительства или поддержать его политический курс [8, p. 198].

Если интерес действующих политиков заключается в том, чтобы убедить избирателей в эффективности проводимого ими курса, то интерес ученых состоит в анализе причин, побуждающих людей совершать политические действия, воспроизводить и изменять политические структуры, поддерживать определенных кандидатов. В настоящее время изучение мотивации составляет главное содержание исследований политического поведения.

В свете этой проблемы является актуальным исследование Б. Ньюмана, предложившим «предсказывающую модель поведения избирателя», в которой объединены многие факторы электорального поведения: политические проблемы, побуждающие человека к рациональному поиску того кандидата, который их может решить; социальные образы, представления, установки и стереотипы; личность кандидата, отношение к нему избирателя; ситуационные непредвиденные обстоятельства; ценности, стремления, ориентации [7, p.259-280]. Таким образом, в его модели можно найти и установки, и поиск оснований для объяснения рационального выбора, и структурные факторы, трансформировавшиеся в определенные ценности и предпочтения, разделяемые индивидом вместе со своей группой, то есть – непосредственную связь с политическим сознанием.

В данной статье мы предпримем попытку установить связь между политическим сознанием и электоральным поведением граждан на примере Санкт-Петербурга.

Зачастую исследование взаимосвязи политического поведения и политического сознания сводится к анализу двух структурных элементов последнего: идеологических и психологических аспектов, детерминирующих политическое поведение. Однако при этом вне рамок рассмотрения проблемы зачастую оказываются латентные особенности поведения, связанные со степенью политизированности и активностью граждан, но не сводимые лишь к одной готовности участвовать в политическом процессе.

Выходом из данной ситуации является комплексное рассмотрение проблемы, предполагающее, в том числе, исследование культурологических аспектов. Концептуально проблемное поле оформилось в виде категорий «политическая культура» и «электоральная культура». Однако если первая из них проработана классиками политологии Г. Алмондом и С. Вербой, то фундамент второй категории представляется не столь устойчивым.

Современная политическая наука, как отечественная, так и зарубежная, относит

категорию «электоральная культура» к дискуссионным. Критики данной категории, стремясь поставить под сомнение ее полезность, характеризуют ее как «концептуальную натяжку» [6, с. 36]. Существуют определенные проблемы в разграничении аспектов, относящихся к феномену политического сознания, от аспектов, приписываемых культуре, наслаивающиеся на общую концептуальную нестройность обеих концепций.

Частичное преодоление проблемы видится в выделении «субъективных» и «объективных» трактовок электоральной культуры [2, с. 38] с ориентацией обоих подходов не столько на когнитивные или психологические особенности, сколько на процессуальные, поведенческие и иные аспекты, выходящие за рамки исключительно политического сознания и позволяющие выявлять характерные модели электоральные поведения.

Недостаточно проработанная концептуализация категории «электоральная культура» в зарубежной науке отчасти обусловлена тем, что выборы для граждан в представлении западных политологов являются абсолютно несомненной ценностью, что исключает «проблемность» отношения населения к этому институту [6, с. 36]. В то же время для России эта проблема носит по-настоящему актуальный характер.

Западные исследователи обычно используют данную категорию для характеристики т. н. транзитных режимов, а российские политологи стремятся закрепить ее в рамках электоральной географии для характеристики региональных или локальных особенностей политического сознания [5, с. 5-19]. В любом случае использование этой категории предполагает выделение той или иной электоральной культуры как определенной *специфики*, являющейся фактором того или иного устойчивого электорального поведения на той или иной территории.

В контексте операционализации категории представляется корректным выделение таких трех структурных элементов как электоральная компетентность, электоральная диспозиция и электоральная активность. При этом *электоральная диспозиция* как центральный элемент структуры представляет собой направленность электорального мировоззрения, обуславливающая формы электорального действия или бездействия [2, с. 39].

Динамика политического сознания и электоральных диспозиций особенно хорошо заметна в крупных городах [4, с. 67-75]. В 2015 году в Санкт-Петербурге нами было проведено исследование¹, одной из задач которого было выявление ценностных ориентаций избирателей. Ценностные ориентации, представляющие базовый «каркас» политического сознания, определяют стратегии политического поведения долгосрочного характера.

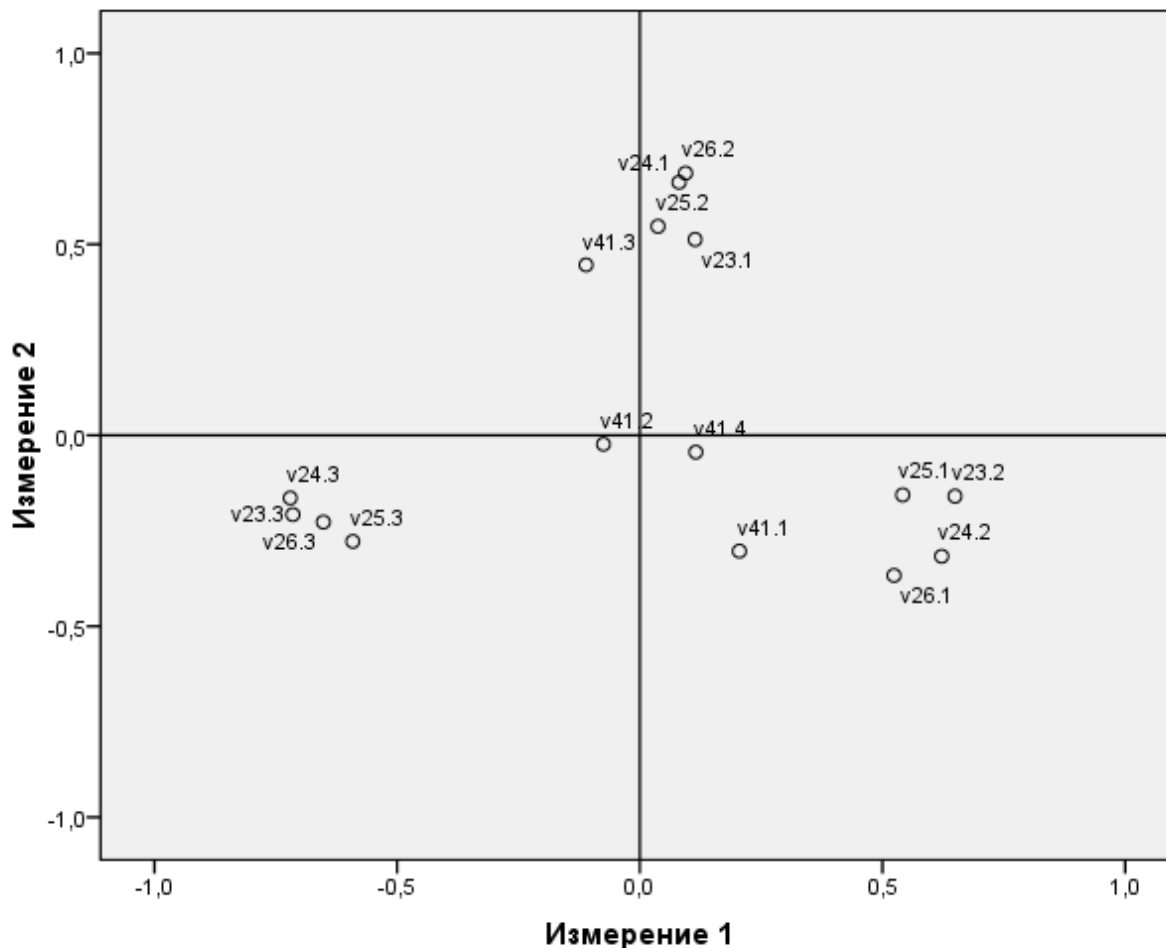
В исследовании использовались переменные, выявляющие содержание ценностных ориентаций – своего рода «ценностные оппозиции»: «права человека – справедливость», «интересы отдельных граждан – интересы государства» (оппозиции, выражающие деление на правых и левых); «свобода – порядок», «проведение реформ – сохранение традиций», «ориентация на собственную активность – ориентация на поддержку государства» (оппозиции, выражающие деление на либералов и консерваторов); а также смешанные типы ценностных ориентаций (как показывают результаты исследований прошлых лет в рамках проекта «Политический Петербург», – это ориентации центристского и либерально-консервативного характера).

Результаты многомерного шкалирования (рис. 1) выявили три крупных группировки: (1) группа ценностей право-либерального характера, к которым присоединяется

1 Эмпирическое политическое исследование № 106-91 «Особенности политического сознания жителей российских мегаполисов в ситуации системного экономического кризиса: на примере г. Санкт-Петербурга» («Политический Петербург-2015») выполнено на базе Ресурсного центра Санкт-Петербургского государственного университета социологических и интернет-исследований в марте–апреле 2015 г. Руководитель проекта – докт. полит. наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ О. В. Попова. Исследовательская группа: канд. полит. наук, доцент О. В. Лагутин, канд. полит. наук, доцент Е. О. Негров, канд. полит. наук, ассистент Д. А. Будко, ассистент А. В. Шентякова, аспиранты Р. К. Кучаков и С. И. Суслов. Метод опроса – телефонное интервью. Объем выборки – 1204 человека, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге. Выборка случайная, бесповторная, с квотированием следующих признаков: пол, возраст, образование, район проживания.

«либеральная идентификация» (вверху по оси ординат); (2) чистые типы ценностей лево-консервативного характера², в отношении к которым в некоторой удаленности находится «коммунистическая идентификация» (ниже справа по оси абсцисс); (3) смешанные типы ценностей, которые не имеют четкой идеологической идентификации. Консервативные и социал-демократические типы идеологической идентификации в системе координат находятся около нулевой отметки.

Рис. 1. Соотношение ценностных ориентаций и политической идентификации петербуржцев

- V23.1 - права человека
- V23.2 - справедливость
- V23.3 - права человека и справедливость
- V24.1 - свобода
- V24.2 - порядок
- V24.3 - свобода и порядок
- V25.1 - сохранение традиций
- V25.2 - проведение реформ
- V25.3 - традиции и реформы
- V26.1 - интересы государства
- V26.2 - интересы граждан
- V26.3 - интересы государства и граждан
- V41.1 - коммунистические взгляды
- V41.2 - социал-демократические взгляды
- V41.3 - либеральные взгляды

² Лево-консервативные ценности связаны с укреплением национальной государственности и восстановлением базовых принципов социальной справедливости. Носителями лево-консервативных идей и ценностей в современной России являются, например, КПРФ и партия «Родина» образца 2007-2008 гг.

V41.4 - консервативные взгляды

Это позволило кумулятивным образом выявить группы петербуржцев с выраженными типами ценностных ориентаций. Четко выявляются либерально-демократический (11,62 %) и лево-консервативный (46,11 %) типы, однако сильно распространена и третья группа ценностных ориентаций – «смешанного» или «медианного», зафиксированная у 42,27 % респондентов. Т.е. с одной стороны, очевиден «крен влево», предполагающий, что «электоральная медиана» проходит ближе к лево-консервативному полю, а с другой имеется недостаточно хорошо изученная группа «неопределившихся», способных изменить судьбу любых выборов.

Чтобы сделать картину политической культуры Санкт-Петербурга более полной, помимо анализа политического сознания, в 2016 году мы попытались выявить электоральные диспозиции петербуржцев, проанализировав ориентацию на политическое действие³. Респондентам были предложены альтернативы поведения в качестве возможных действий в защиту своих интересов в случае их нарушения.

Проведенный нами факторный анализ позволил разделить изначальный массив признаков на меньшее количество групп (факторов), носящих латентный характер, и показал наличие двух типов политического участия (Таблица № 1).

Таблица № 1. Факторы политического действия в защиту своих прав

Признаки	Факторы	
	1	2
Участие в несанкционированных акциях протеста	,669	
Участие в забастовках, митингах, демонстрациях	,606	
Использование личных связей и вознаграждения	,593	
Участие в работе политических партий и общественных организаций	,555	
Участие в выборах		,789
Обращение в государственные органы и общественные организации		,743

В первый фактор включены признаки, предполагающие «пассионарную» политическую деятельность, направленную на изменение политической реальности. Хотя эти признаки могут иметь разную степень публичности (публичные акции и скрытый лоббизм), а также могут обладать разной степенью институциональности и конвенциональности, их объединяет особый активизм, проявляющийся в том, что люди, у которых данный признак выражен, претендуют на большее стремление к субъектности в политическом процессе. Группу с таким типом политического участия мы будем называть «*пассионариями*». В целом, эта группа сходна с т.н. активистской (партиципаторной) политической культурой, которая может предполагать как конвенциональные, так и не конвенциональные формы участия [1, с.141].

Отметим, что «пассионарии» объединяют достаточно широкую группу людей, включающую тех, кто готов участвовать в деятельности политических организаций (28,41 % от общего числа респондентов), до тех, кто готов на неконвенциональные действия (позиция «готов к участию в несанкционированных акциях протеста» характерна лишь для 6,17 %).

Второй фактор в большей степени ориентирован на электоральное поведение и включает признаки, предполагающие либо традиционную активность в роли избирателей,

³ Эмпирическое политическое исследование № 106-5474 «Социально-политические настроения населения Санкт-Петербурга-2016» выполнено на базе Ресурсного центра Санкт-Петербургского государственного университета социологических и интернет-исследований в феврале 2016 г. Руководитель проекта – докт. полит. наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ О. В. Попова. Исследовательская группа: канд. полит. наук, доцент О. В. Лагутин, канд. полит. наук, доцент Е. О. Негров, канд. полит. наук, ассистент Д. А. Будко, канд. полит. наук, ассистент А. В. Шентякова. Метод опроса – телефонное интервью. Объем выборки – 1151 человек, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге. Выборка случайная, бесповторная, с квотированием следующих признаков: пол, возраст, образование, район проживания.

либо обращения в государственные органы и общественные организации. Т. е. в отличие от людей с выраженным первым фактором, эта группа людей ориентируется на уже сложившиеся институты, признает их в качестве работающих и ограничивается ролью элементов общего политического механизма. Они в гораздо меньшей степени ориентируются на субъектность, делегируя свои политические функции «представителям». Эту группу мы будем называть «институционалистами».

Полученные факторы («типы политического участия») преобразуем в пакете SPSS в переменные с четырьмя группами с приблизительно равномерной частотой, чтобы каждый полученный фактор предстал в виде порядковой переменной, выражающей сильную или слабую степень распространения конкретного признака, что позволяет нам сопрягать его с другими переменными согласно изначально поставленным задачам исследования.

Анализ показал, что статистическая зависимость фактора «пассионарий» и голосования за политические партии на парламентских выборах была выявлена только у политической партии «Единая Россия»: фактор «пассионарий» у избирателей этой партии либо отсутствует, либо распространен слабо (13,0 % от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке 3,2 % и 5,0 % от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке 3,3 % соответственно). Более того, 25,3 % респондентов, имеющие сильную и очень сильную степени распространения «пассионарного» фактора, готовы проголосовать за «Единую Россию», в то время как другие политические партии для данного типа политического участия не получили никакой статистической значимости.

Важный вывод, который можно из этого сделать – «пассионарность» не является синонимом оппозиционности и тем более «антисистемности», поскольку некоторая, пускай и не бóльшая, часть «пассионариев» благоволит «партии власти». В то же время распространенность симпатизантов «Единой России» среди «пассионариев» ниже среднего. Таким образом, «пассионарии» несмотря на более высокую степень ориентации на изменение политического процесса не имеют выраженной политической силы, которая бы позволяла «передоверить» их желание участвовать в политике конкретному коллективному представителю. Перефразируя Ленина, «нет такой партии», которая бы могла аккумулировать их голоса.

Отчасти это может быть обусловлено отсутствием сильной «второй партии» на электоральном поле. Если «Единая Россия» согласно данным нашего опроса стала «своей партией» для 35,45 % респондентов, то остальные думские партии не набирают даже 7 % (КПРФ – 6,86 %, «Справедливая Россия» – 5,82%, ЛДПР – 4,34 %). «Яблоко» набирает 4,24 % голосов, а «Гражданская платформа», лидер среди т. н. «новых» или «малых» партий, набирает только 1,48 %.

Тип «пассионарий» характерен для лиц с уровнем материального дохода на одного члена семьи, составляющим от 25000 до 40000 рублей. Также этот тип распространен среди молодой возрастной группы и у возрастной группы 30-39 лет. Среди респондентов пенсионного возраста «пассионарность» либо отсутствует, либо развита слабо.

«Институционалистские» электоральные диспозиции с определенной долей условности можно описывать как в большей степени «феминные». Данное исследование в очередной раз подтверждает, что сторонниками «Единой России» чаще выступают женщины, чем мужчины. Также именно мужчины чаще стремятся проявлять политическую активность менее конвенциональными способами, в то время, как женщины предпочитают проявлять свою активность на избирательных участках и обращаться за помощью в органы власти. Эта тенденция, подтверждающая часть гендерных стереотипов, существующих в обществе, проявляет себя на протяжении многих лет [3, с. 206-219].

Интерес представляет выявление зависимостей между факторами политического участия и взглядами респондентов относительно моделей отношений «государство – общество» (Таблица № 2).

Таблица № 2. Сопряженность фактора «тип политического участия» - активный

политик и признака «модель отношений государства и общества»

Модели отношений «государство – общество»	«Пассионарность»					Всего
	Отсутствует	Слабая	Сильная	Очень сильная		
Предположим, только от Вашей воли зависит, на каких принципах строится жизнь в нашем государстве. Что Вы предпочтете?						
Государство, которое контролирует исполнение законов и минимально вмешивается в экономические отношения в стране, но при этом люди сами полностью заботятся о себе и отвечают за свою жизнь	Count	112	62	91	87	352
	% of Total	9,7%	5,4%	7,9%	7,6%	30,6%
	Std. Residual	1,3	-1,6	,3	-,2	
Государство, где есть хорошие социальные программы поддержки людей, но при этом нужно платить очень высокие налоги – до 50 % от дохода	Count	51	43	61	82	237
	% of Total	4,4%	3,7%	5,3%	7,1%	20,6%
	Std. Residual	-1,9	-1,1	,2	2,8	
Государство, которое боятся все соседи, а жизнь в нем строится на принципе доминирования одной нации, остальные ограничены в правах	Count	5	10	8	9	32
	% of Total	,4%	,9%	,7%	,8%	2,8%
	Std. Residual	-1,3	1,2	,0	,3	
Государство, где нет частной собственности, нет резкого имущественного расслоения между людьми, но есть очень жесткий идеологический контроль за людьми	Count	26	31	22	24	103
	% of Total	2,3%	2,7%	1,9%	2,1%	8,9%
	Std. Residual	-,6	1,9	-,7	-,4	
Государство, основанное на поддержании традиций, стабильное, но в котором доходы людей очень резко отличаются	Count	64	26	47	44	181
	% of Total	5,6%	2,3%	4,1%	3,8%	15,7%
	Std. Residual	1,8	-2,1	,3	-0,3	

Для «пассионариев» характерна «левая» модель отношений государства и общества в духе скандинавского типа социализма, в то время как либеральная модель распространена слабо, а модель, которая предполагает опирающееся на традиции стабильное государство с резкими различиями в доходах, вовсе нехарактерна. С точки зрения идеологических ориентаций, можно говорить о том, что эти люди являются потенциальными избирателями таких партий, как КПРФ и «Справедливая Россия», однако электоральные диспозиции ориентируют не на голосование за эти политические силы, а на другой тип политической активности.

Это подтверждается и тем, что «пассионарии» чувствительны к экономическим проблемам в России в последние годы и в большей степени склонны считать, что жизнь в материальном плане стала хуже (6,7% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке 1,6). При этом такое политическое сознание не следует характеризовать как абсолютно негативистское или пессимистическое. «Сильные пассионарии» склонны считать, что дела в России идут в чем-то в правильном, и в чем-то в неправильном направлениях (в то время, как «институционалисты» весьма оптимистичны и считают, что дела в России в целом движутся в безусловно правильном направлении).

Важен факт, что «пассионарность» не предполагает отказа от выборов. Из 66 % респондентов, готовых прийти на избирательный участок, 44,4 % респондентов имеют сильную и очень сильную степени распространения данного фактора.

Произведенный анализ позволяет сделать ряд выводов:

1. Несмотря на господство политической культуры, которая ориентирует граждан выражать поддержку и требования посредством выборов и обращений в политические организации, в российском обществе в достаточной степени сформировалась и другая диспозиция, предполагающая ориентацию на менее институционализированную

«субъектную» (самостоятельную) политическую активность.

2. Данная группа людей не ориентирована на какую-то одну политическую силу и ее нельзя охарактеризовать в категориях оппозиционности или системности. Это может быть до некоторой степени вызвано кризисом партийной идентичности, отсутствием укоренившегося образа «второй» или «другой» партии. Отчасти это связано и с тем, что партия власти старается охватить как можно больший спектр избирателей, копируя технологии т. н. catch all parties, а конкуренты не способны создать образ равновеликой политической силы.

3. Оба исследования показали, что политическое сознание петербуржцев в настоящий момент восприимчиво к левым идеям, однако ценностные ориентации близкой по количеству группы горожан имеют скорее смешанный характер. В то же время «пассионарная» часть электората, имеющая ориентацию на левые идеи, не показывает устойчивой связи ни с КПРФ, ни со «Справедливой Россией», ни с другими партиями левого спектра.

4. Таким образом, за полгода до выборов анализ политического сознания и электоральных диспозиций не показывает тенденций, которые могут сами по себе привести к ослаблению «Единой России» и укреплению позиций партий-конкурентов.

Литература

1. Бунаков М. Ю., Гуляев Н. С. Современные концепции политической культуры // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала российской таможенной академии. - 2013. - №1 (45). - С. 135-150.
2. Лыткина К. А. Теоретические основы изучения феномена электоральной культуры // Среднерусский вестник общественных наук. - 2016. - № 1. - С. 36-42.
3. Попова О. В. Гендерные особенности политического сознания петербуржцев: мы разные? // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. - 2010. - Т. 6. - № 4. - С. 206-219.
4. Попова О. В. Политические установки петербуржцев перед новым электоральным циклом // Вестник СПбГУ. - 2011. - Серия 6. - № 1. - С. 67-75.
5. Туровский Р. Ф. Региональное измерение электорального процесса: концептуальные основы исследований // Общественные науки и современность. - 2006. - № 5. - С. 5-19.
6. Фадеева Л. А. «Электоральная культура»: теоретический конструкт или очередная концептуальная натяжка? // Российское электоральное обозрение. - 2010. - № 1. - С. 32-37.
7. Handbook of political marketing / Ed. by B.I. Newman. Thousand Oaks, Call.: Sage Publications, 1999. - P.259-280.
8. Milbrath L. W. Political Participation // The Handbook of Political Behavior / Ed. by Samuel Long. N.Y. and London, 1981. - Vol. 4. - P. 198.